

Василий КОСТЕРИН

г. Будапешт, Венгрия

ЖИЛ, ЖИВ...

Маленькие рассказы о вожде

*Роберт Чандлер, английский поэт и переводчик
с русского, хорошо знает и любит Россию.*

*Однажды он решил познакомить
со страной свою семью и купил путёвку
на тур вдоль по матушке по Волге.*

*Сестра Роберта Каролина ради этой поездки
начала заниматься русским языком
и уже научилась читать.*

*И вот они проплывают мимо
очередного памятника Ленину на берегу.*

*Каролина медленно по слогам
читает надпись на постаменте:
«Ле-нин-жил-Ле-нин-жив...»*

*Корабль удаляется,
оставшиеся строки уже не разобрать.*

*Роберт шутливо предлагает:
«Ну, сама догадайся, что там дальше написано».*

*Ещё не читавшая Маяковского, Каролина
с уверенностью предположила: «...и Ленин умер».*

(История рассказана Р. Чандлером)

В ОГОРОДЕ БУЗИНА...

Мы идём по Московской – сквозной улице Древнего города. Названа она так потому, что ведёт из столицы в Нижний Новгород. Помните картину «Владимирка» Левитана? Так вот, продолжением Владимирки и стала Московская. Ближе к центру она вливается в обширную площадь. Здесь многоэтажные здания, гостиница, магазины, шум машин, троллейбусов, пешеходная суeta и толкотня. На задворках городской филармонии спускаемся по узкой, еле заметной тропочке вниз. Слева наверху вырастает белокаменный Успенский собор двенадцатого века. Если идти не останавливаясь, то выйдешь к Клязьме и мосту на Муром, к святым Петру и Февронии, а там и до Дивеева рукой подать. Как все европейские дороги ведут в Рим, так все пути на Руси ведут к святым местам или святым источникам.

По крутому обрыву, заросшему репейником и высокой, по самые плечи, крапивой, на полусогнутых скатываемся чуть ниже, и нас обступает тёплая душистая тишина. Исчезает шум, даже лязг жёстких троллейбусных усов еле слышен. Мы попадаем в царство огородов с маленькими деревянными домиками, которые приветливо кланяются то налево, то направо. Названий улиц не видно, да и самих улиц

нет. Скорее, это безымянные переулочки. Но на некоторых домах – квадратные ржавые таблички с едва различимым номером дома.

Мы разговариваем, приглушив голос. Как будто приближаемся к месту, возле которого подобает лишь молчать. И вот оно, это место!

Уткнувшийся носом в завалинку домик с покосившейся крышей, покрытой рубероидом. За ним большой огород, просто огромный. Пара грядок прижалась к задней пристройке, на них, судя по ботве, свёкла, морковь и ещё что-то. По углам огорода посажены кусты бузины, без симметрии – три красных и один чёрный. Вдоль забора – заросли густой и сочной зеленеющей травы. Но главное не это. Здесь есть такое, чего нет в других огородах. И это «такое» – большой, почти во всю ширину и длину участка пруд, смахивающий на миниатюрное озерцо. Но и это не всё: посредине пруда красуется островок. Видно, что когда-то он был почти квадратным, а теперь зарос и стал округлым. Густая длинная трава зелёной гривой свешивается в воду, как бы желая рассмотреть себя в мутноватом зеркале или пошептаться с нежно-зелёной ряской.

И вот на этом островке возвышается круглый, расписанный под мрамор постамент, скорее, столбик, метра в полтора высотой, а уже на нём самое главное – белый лобастенький Ленин.

Все друзья застывали у этого огорода потрясённые. Все чувствовали некую завораживающую тайну, которая заставляла безмолвно и подолгу стоять у серого покосившегося забора из штакетника и случайных нестроганных досок, заглядывая через них внутрь.

Кругом густой запах цветущей липы, жужжат пчёлы и шмели, сочная зелень самых разных оттенков раскинулась во все стороны, зеленовато-синяя гладь воды забылась в полусонной небесной тишине, и посреди этой сельской красоты и идиллии – маленький беленький остроплечий бюстик. Какое-то инородное тело, которое вопреки всему прижилось на одиноком островке. Улыбается со своей знаменитой хитрецей, как будто нечто тайное знает про себя и про других, но не скажет.

Приходили мы туда и зимой. Снегоуборочная там не прошла бы, и жители расчищали в переулочках узкие дорожки шириной с фанер-

ную лопату. Подходить к домику приходилось с противоположной стороны. И вот удивительно: впечатление оставалось то же. Значит, дело было не в контрасте цветущего лета и мертвенно-белого гипса, а в чём-то другом. Зимой на фоне чистейшего снега истуканчик выглядел сероватым, на закате — синевато-красным, но таким же таинственным, как будто он спустился сюда из другого мира.

Много раз представители органов навевались в невзрачный домик, с недоумением или раздражением разглядывали мистический огород. Хозяин — старый большевик — на все уговоры переехать отвечал отказом. Памятник он не хотел убирать и получать новую обкомовскую квартиру с высокими потолками категорически отказывался. А ведь о таком жилье грезил весь обком и облизполком. Делать было нечего, поскольку хозяин являлся гордостью городской и даже областной парторганизации, — коммунист с 1918 года. Такого партийного стажа не было ни у кого из тех, кто любой ценой хотел снести самодельный памятник. У них, наверное, и в складчину не набралось бы такой выслуги.

Однажды мы привели к заветному месту гостей из Москвы, чтобы удивить их тем, что не решится показать ни один экскурсовод по древнему городу из обоймы Золотого кольца. И вдруг видим, что внешность скромного монумента изменилась: вместо расписанного под мрамор столбика на крошечном островке красовалась голубая пирамидка. Такие ставили на могилах красноармейцев, только здесь на вершине вместо красной звезды скромно возвышался тот самый ярко-белый блестящий истуканчик. Новые знакомые раньше не видели тонконогий постамент, поэтому не удивились. Гипсовый вождь на красноармейской фанерной подставке производил не менее сильное впечатление. Казалось, ничего не изменилось. Чувство нереальности и смутной тайны оставалось.

Потом по слухам узналось, что ночью какие-то вандалы, надо думать, из одной вполне определённой организации, пробрались в огород, разбили столбик-пьедестал, но не догадались унести Ленина, а просто утопили его в пруду. На следующий день к хозяину опять пришла комиссия и ещё раз предложила переехать в

элитный дом с лифтом и всеми удобствами. Старый большевик вместо торжественного переезда разделся до чёрных семейных трусов и начал поиски Ленина в пруду; потом отмыл его, подсушил, покрасил белой масляной краской, сколотил из фанеры пирамидку и восстановил памятник вождю на островке.

Тогда был использован старый проверенный способ. Ночью домик загорелся. Как бы сам вспыхнул — от старости. Или из-за деревянных перекрытий, как ныне любят объяснять многочисленные московские пожары. Вызванные с опозданием машины не смогли добраться к домику, да и сгорел он в одночасье. Дотла. Даже забор и пьедестал сгорели, а гипсовая голова пропала, может быть, просто рассыпалась от непомерной жары.

Старого большевика спасли соседи, он поневоле принял ключи от квартиры в обкомовском доме напротив памятника Маяковскому, а жемчужина Золотого кольца навсегда потеряла одну из достопримечательностей — знаменитый огород с прудом и белым бюстиком самозванного вождя несуществующего мирового пролетариата...

СЕРИЙНОЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО

Мастерская моего друга Павла Тика находилась около универсама на главной улице. Как не снесли этот двухэтажный домик, когда строили торговый центр, — уму непостижимо! Низ городской достопримечательности был кирпичный, а верх деревянный. Домишко был дряхлый, нахохлившийся, а окна первого этажа упирались пыльными глазницами прямо в асфальт. Но, конечно, любой местный художник был бы рад и такой мастерской, тем более в самом центре. И Паша был доволен. Скоро на второй этаж вселился приезжий скульптор — Ульянов Брыкин. По логике, второй этаж надо было бы отдать Паше, всё же он график, а скульптора с его тяжёлыми статуями следовало бы разместить на первом. Ну да ладно.

Брыкину было чуть за сорок, приехал он, кажется, из Новосибирска. Жену перевели на работу в горком партии, поближе к Москве, а скульптор остался при ней. Он был простой в

общении и обращении, но слишком навязчиво играл роль рубахи-парня. И не дай бог при встрече спросить у него: «Как дела?» Вопросительный всегда слышал одно и то же: «На букву х-х-хэ. Хорошо, значит! А ты что подумал?» Видно, Ульянов считал такой ответ верхом остроумия. Он покровительственно улыбался и, остановившись, начинал «разговоры разговаривать», как мы называли это между собой. Правда, самодовольство и уверенность в своём умении жить, написанные на его поклатом лбу, мешали беседе. Да и кончалась она всегда вариантами одной темы: как заработать денег, где найти выгодный заказ, каким манером при случае облапошить доверчивого заказчика. Эти его излюбленные откровения скоро многих оттолкнули от рубахи-парня. В среде художников ходил слух, что у Брыкина имеется специальное разрешение от обкома на изготовление памятников Ленину.

Однажды Брыкин почти насильно затащил нас с Павлом к себе в мастерскую на второй этаж. Не помню, по какому случаю, но, кажется, обмыть новый большой заказ, который он получил благодаря связям жены. Мастерская состояла из двух комнат. На двери второй висел замок. Мы долго сидели за пузатыми фужерами из тонкого стекла, не издававшего звона, и лениво переговаривались ни о чём. Нам с Пашей было неуютно. Мы-то с ним, оставшись вдвоём, не могли наговориться о высоких материях. В те годы в наших беседах то и дело мелькали имена Достоевского (только что вышел том «Неизданный Достоевский», ставший событием для нас) и Флоренского, Ахматовой и Солженицына. А тут само имя Солженицына нельзя упомянуть, ведь у него жена оттуда. И мы вынужденно заслушивали речи о заказах, которые Ульянов у кого-то перебил. Когда все трое уже разогрелись от выпитого вина, я не удержался и спросил, что там, за дверью, потому что в комнате, где мы безуспешно пытались стать компанией, стояло всего три-четыре ничего не значащих фигуры типа пионера, отдающего салют, девушки то ли с серпом, то ли с веслом и юноши с молотом.

В ответ на мой вопрос Ульянов начал испытующе профессионально всматриваться мне в лицо, будто собирался лепить мою голову. Но я тут же понял, что он решал другое: достоин

ли я некоего тайного знания. Мне показалось, что он даже протрезвел немного. Потом Брыкин быстро подошёл к двери, вынул из петли навесной замок и толкнул дверь, приглашая нас с Пашей пройти. Я переступил порог первым и остолбенел. На полу, на полках, на стеллажах, на двух подоконниках стояли... белые гипсовые Ленины. Много-много Ленинов. Мной опять овладело то самое состояние, в котором я не раз пребывал перед прудом с островком и белым бюстиком в середине.

Я начал осматриваться. Ленины были разные: изредка во весь рост, иногда по пояс, больше же всего было безруких бюстов всевозможных размеров. Я вдруг почувствовал себя в каком-то другом пространстве. Магия нереального, но очевидного входила в меня. Почему-то вспомнилась картина Сальвадора Дали: *Six apparitions de Lenine sur un pianoforte* — «Шесть явлений Ленина на фортепьяно». Тысяча девятьсот тридцать первый год. Пианист-визионер сидит почти спиной к зрителю, а перед ним на длиннющей клавиатуре рояля возникают всё уменьшающиеся в прямой перспективе головки Ленина в жёлтом ореоле.

Я боялся не то чтобы повернуться, я не мог шевельнуться и только безмолвно поводил глазами. Здесь хотелось молчать, в крайнем случае — осторожно шептать, как в музее или, скорее, в комнате с покойником. Особенно тягостное впечатление производили те бюсты, на которых пустые гипсовые глаза сочетались с хитровой улыбкой вождя. Но и улыбка оставалась застывшей — гипсовой. Было страшновато: длинный стеллаж, в несколько рядов заставленный лукавыми ленинскими улыбками, убежал в затемнённый угол мастерской. Мне показалось, что у меня кружится голова. Нет, не Ленины обступили меня тесной толпой, это были белые демоны: бесовские улыбочки выползали из-под гипсовых кепочек и постепенно затягивали в трясику чертовщины. Гипсовые статуи насмешливо и уверенно грозили: «Не уйдёшь!»

Я не вышел, а вывалился из комнаты, споткнувшись о порожек. И вдохнул полной грудью, даже животом. Медленно-медленно, как будто только проснувшись, под властью невнятных дум и чувств я прошёл к столу, словно покинул потревоженное кладбище или бесовский шабаш.

Через открытую дверь было видно, как Ульянов суетился, заглядывал в глаза Павлу, деловито и с довольным видом, даже с какой-то гордостью поглядывал на своих Ленинов. Некоторых он покровительственно поглаживал по лысой головке, трогал снизу за бородку. И только тут я обратил внимание на два прижавшихся друг к другу маленьких бюста Маяковского. Один был с волнистыми поэтически непокорными волосами, которые так понравились в своё время Репину, а другой – стриженный под нулёвку. Своим хмурым и строгим видом Маяковский выбивался из ряда.

Не знаю, какой реакции ожидал от нас Ульянов.

Мы продолжили пирушку, и после пары фужеров скульптор разоткровенничался.

– Я знаю, как вести себя с заказчиком. Вот сейчас Ленины хорошо идут. В каждой школе, в каждом цехе завода или комбината, в каждом отделе НИИ должен быть Ленин, а то и несколько. Приходит ко мне заказчик, просит Ильича, я показываю разные эскизы. Он выбирает, я объясняю, как долго и с какой ответственностью приходится работать над образом бессмертного вождя. Договариваемся о цене, заполняем типовой договор. А потом я вдруг вспоминаю о простой вещи: насколько срочно надо изготовить? Обычно приходится набавить цену за скорость. Заказчик уходит довольный, полагая, что я тут же взялся за неотложную работу. А кормилец-то, родимый, стоит у меня в мастерской за дверью – готовенький! Ждёт своего часа. Потому и дверь всегда на замке. Не дай бог заказчик ненароком заглянет. Только уж вы никому ни-ни...

И Ульянов довольно хихикает, потирая рабочие руки. Дескать, вот как надо дела делать.

Застолье, и до этого протекавшее уныло, тут совсем разладилось. Скоро мы попрощались и спустились в мастерскую к Паше. Он, вздохнув, обронил: «Бедный Ленин! Вот такая судьба. Это вам не бедная Лиза».

Деловые качества Брыкина и его похвальба не произвели на меня особого впечатления. Такого рода художников я встречал не раз и до него. Как-то сразу забылся его ленин-бизнес под покровительством то ли горкома, то ли обкома. Но вот это чувство, когда ты оказываешься в маленькой тихой комнате, окруженный десятками, если не сотней, белых, откры-

венно бесовских, гипсовых фигур вождя, это чувство осталось на всю жизнь. Безглазые, как античные языческие скульптуры, они смотрели с безразличием в пустоту и не видели ни меня, ни друг друга. Никого. Впрочем, кажется, Ленин и при жизни не очень-то замечал живых людей. Скорее, он имел дело с «мировым пролетариатом», с «попами», с «кулаками», с «буржуазией», со «спецями», одним словом – с человеческим материалом. И вот в награду получил другой материал – гипсовый.

МИТИНГИ, ИЛИ ЖЁЛТЫЙ В ЖЁЛТОМ ДОМЕ

Как-то у нас на заводе я познакомился с социологом. В те времена заводской социолог был большой редкостью. Но подружился мы с Владиленом на почве шахмат, а не социологии. В перерыве на обед мы едва ли не каждый день сражались на картонной доске пластмассовыми фигурами, машинально щёлкая пуговками часов, не замечая шумных доминошников, лихо стучавших костяшками за соседним столом. Мы воображали себя если не полководцами, то, по меньшей мере, офицерами генштаба. При этом, не отрывая глаз от клетчатой доски, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, поедали домашние бутерброды с любительской колбасой. Хотя, надо сказать, бутерброды сами по себе были безвкусными и шахматы тут ни при чём.

Мы оказались игроками примерно равной силы, а потому могли до бесконечности сражаться друг с другом, изучая манеру противника и совершенствуя свои дебютные построения. Незаконченную партию мы обычно продолжали либо у меня, либо у него дома. Так я попал в маленькую однокомнатную квартирку на втором этаже старинного дома, где он проживал с женой и двумя маленькими дочками. Жилище Владилена (ах, как он ненавидел своё имя!) находилось в проезде между знаменитым Централом с пересыльной тюрьмой и психиатрической лечебницей. Как получилось, что в зажатом с двух сторон доме оставили обычных жителей, – ума не приложу. Квартира была угловая, и единственная комната выходила окнами на тюрьму, а кухня – на жёлтый дом. Из гостиной, служившей од-

новременно и спальней и детской, наискосок была видна высокая стена с колючей проволокой поверху, а за ней ещё одна глухая стена какого-то здания. В общем, ничего интересного. Хотя и страшновато! Особенно если долго и напряжённо смотреть.

А вот из кухни, где мы обычно продолжали нашу заводскую баталию, был совсем другой вид. Взору открывалась зелёная аллея, подметённая асфальтовая дорожка, немногочисленный, по-деловому настроенный персонал в белых накидках и бродячие больные в казённых полосатых халатах. Тогда их выдавали бесплатно. Больница тоже была окружена высокими стенами с колючей проволокой, но не такими могучими, как неоднократно воспетый блатными советскими и постсоветскими бардами Централ. На почётное звание главной достопримечательности больничного заведения бесспорно претендовал стоявший спиной к нам вездесущий серебристо-серый Ленин. В зависимости от погоды, он иногда казался даже стального цвета, но, конечно, все знали, что внутри у него безжизненный и хрупкий гипс. Вождь опирался расставленными ногами на невысокий постамент, а протянутой рукой с раскрытой ладонью, как на каком-то съезде, показывал в сторону входа в жёлтый дом: дескать, пожал-те, не хотите ли войти в светлое будущее! А может, наоборот, выйти из него. Не знаю.

Мы по очереди разыгрывали на интерес принятый королевский гамбит, пили бывший тогда редкостью зелёный чай или крепкий чёрный кофе и изредка поглядывали в окно. Владилен знал уже наизусть распорядок дня в жёлтом доме и с удовольствием ждал, когда там начнётся. Конечно, ему было интересно и то, как я буду реагировать. А начиналось там иногда вот что. Больные собирались возле памятника и начинали жарко митинговать. Иногда кто-нибудь из них забирался на невысокий постамент и оттуда вешал, одной рукой держась за ногу вождя, чтоб не сорваться, и то и дело задирая голову вверх, как бы ожидая поддержки своим словам от лица окаменевшего вождя. А тот был, кстати, раза в два выше самого высокого человека.

Нередко оратора стаскивали с пьестала, споры доходили до драки, и дородные мужики в

белых халатах с готовностью и даже удовольствием скручивали драчунов и уводили их. Известно куда. Когда обстановка у памятника совсем накалялась, персонал разгонял и остальных митингующих, однако через некоторое время они опять группировались перед статуей и открывали стихийное собрание. Им ведь, главное, дай поговорить, поспорить, доказать свою правоту, а там... хоть кукуруза не расти, то бишь трава. Желаящих выступить было предостаточно. И никого не надо было принуждать, как на партсобраниях. Поэтому митинги зарождались снова и снова, иногда по нескольку раз за вечер. И так до бесконечности. До дурной бесконечности, — как сказал бы сам вождь.

И что удивительно: зрителей-участников в полосатых казённых халатах тоже всегда было много и они с большими улыбочками и безумными полупотсутствующими глазами довольно живо реагировали на выступления доморощенных цицеронов. Пару раз довелось увидеть, как они все единогласно проголосовали за что-то, дружно подняв руки. А предложение поступило, видимо, от оратора на постаменте. Если бы не халаты и эти глаза над улыбочками, — просто не древний русский город, а Лондон, и не охраняемая территория психушки, а Hyde Park и тамошний Уголок Ораторов.

— Как думаешь, что они обсуждают так рьяно? — не без хитрецы спрашивал Владилен. — Видишь, как они серьёзны? Всё по-настоящему!

— Не знаю, — отвечал я. — Мне тоже интересно. Неужели все эти спорщики — Ленины? То есть вообразившие себя таковым? Мания величия?.. Может, если бы там поставить, к примеру, памятник Маяковскому, то среди них появилось бы больше поэтов?

Мы открывали окно, но расслышать крики митингующих было невозможно. То есть крики-то долетали, а вот внятные слова — нет.

— И ты посмотри, — тоном экскурсовода говорил Владилен, — как жарко они что-то обсуждают. Ведь, судя по поведению, по жестам и позам, они заняты делами государственной важности. Тут, как минимум, всесоюзная партконференция, если не съезд! А если верить тебе, то они спорят о том, кто из них больший ленинец.

— Да нет, они не ленинцы, они — Ленины, я это имел в виду.

Жёлтый дом был действительно жёлтым. Золотая осень наложилась на бабье лето. Поблёкшая краска стен гармонично сочеталась с увядающим цветом листвы вдоль аллеи, которая вела в лечебницу. Но тут перед наступлением зимы дом решили подкрасить. Видно, именно тогда — в конце третьего квартала — деньги на эти цели выделили. Дом преобразился. Теперь своей тёплой шафрановой желтизной он мог поспорить с осенней листвой. У кого-то родилась блестящая идея покрасить и памятник вождю. Умная хозяйственная голова (а может, и две, не знаю) решила подновить его жёлтой масляной краской. Видно, просто, осталась после ремонта и некуда было девать. В общем, серебристо-серый наполовину облупившийся Ленин стал жёлтым.

Конечно, в вышестоящих организациях, когда увидели это головотяпство, сразу сообразили, что жёлтый Ленин в жёлтом доме выглядит не просто неприлично, но сомнительно с идеологической точки зрения, если не сказать — антисоветски и провокационно, и потребовали срочно перекрасить вождя всех племён и народов.

У жёлтого Ленина народу собиралось меньше. Мы даже чаще привставали из-за шахматной доски, чтобы проверить своё наблюдение.

В очередной раз вождя перекрасили в голубой цвет. Серебристо-серой краски, скорее всего, не нашли, а дело было срочное. По контрасту голубой Ленин на фоне то золотой, то лимонной, то янтарной, то палевой листвы и тёмно-серого мокрого асфальта дорожки смотрелся неплохо, во всяком случае со спины. Правда, немного сбивали впечатление потёки масляной краски на шее и на спине, но ораторы-то и участники этого не видели.

Митинги возле голубого памятника стали проходить ещё реже. А скоро и совсем прекратились. Но, может быть, потому, что похолодало. На город и на укромное заведение, окружённое высокими стенами, всю наступала зима. Хотя раньше, по свидетельству Владилена, краткосрочные дискуссии и митинги слушались и зимой.

— Как интересно, — рассуждал он. — Централ наш много лет служит изолятором для политических. Неужели они и психушку для политических специально рядом построили? Или у

них юмор такой? Отсидел — подлечился, полечился — посидел...

Между прочим, мой приятель-социолог ни разу слова плохого не сказал о родителях, которые наградили его таким именем.

В ПАЛЬТО И ПИДЖАКЕ

Горком и горисполком в складчину решили подарить городу новую площадь. И тот, и другой «-ком» стояли на широкой улице. Но ведь красоваться на площади — лучше. И солиднее, и авторитетнее. Напротив горкома снесли несколько частных домов, предоставив хозяевам новые квартиры в пятиэтажных хрущёвках на окраине, и получилась настоящая площадь. С трёх сторон она была окружена новостроем, а с одной — открывалась в дальнюю даль, поскольку земля дальше шла под уклон и уцелевших частных домов не было видно.

Посадили, как положено, ёлочки и голубые пихты. Всё как у людей. И почти как в Москве. Но этого показалось мало. Перед горкомом решили воздвигнуть монумент вождю-кормильцу. На статую Ленина выделили соответствующие средства, и подготовка началась. Неподалёку стоял памятник Маяковскому, и его пришлось перенести к вокзалу, чтобы избежать соперничества.

Кстати сказать, в городе стоял один большой памятник Ленину. Высокий, добротный, на солидном пьедестале. Он возвышался в сквере перед техникумом. Но это только название — сквер, на самом деле это был густой парк. За долгие годы деревья разрослись, там всегда было сумеречно и прохладно, аллей и скамеек не было, даже около памятника вождю не удосужились поставить или соорудить скамью. Впрочем, тёмно-серую, крашенную масляной краской статую почти и не было видно ни с улицы, ни от входа в техникум. Помнится, Ленин был одет в длинное демисезонное пальто, спускавшееся чуть ниже колен. Правой рукой он держался за лацкан пальто. Смятая кепка была в левой руке.

И вот однажды городская газета мелким шрифтом объявила об открытии нового памятника Ленину на Центральной площади. По сравнению с майской демонстрацией народо собра-

лось немного, но, может быть, так казалось, потому что площадь получилась действительно огромной. Поговаривали, что самая большая в округе: даже в областном центре нет такой! После дежурных речей и жидких аплодисментов съёрнули белое как саван покрывало, и народ начал разглядывать произведение искусства.

Шум разговоров на площади постепенно стихал. Многие напряжённо всматривались в Ленина. Что-то уж слишком знакомое чудилось в каменном облике вождя. Молчание было долгим, а потом мой приятель-художник весёлым шутовским тоном довольно громко воскликнул:

— А король-то — голый!

Площадь услышала ни к кому не обращённые слова и заволновалась. Нестройный шум покатился волнами, кое-где начались споры.

— Да я тебе точно говорю, это тот, который в сквере у техникума стоял. Только подрубили снизу: из пальто сделали пиджак. И всё!

— Не может быть! Не могли они на такую аферу пойти. Тем более на глазах у всего честного народа!

— Но я-то знаю. Я ещё мальчишкой работал на его установке, вернее, при возведении постаментов. И ров под фундамент копал.

— Не, не верю. Кажется тебе...

— Да я тот памятник как облупленный знаю. Только он был серый, а его в чёрный перекрасили. Хочешь прямо сейчас пойдём к техникуму и посмотрим, что там теперь?

Они друг за другом начали пробиваться сквозь толпу.

С другой стороны я услышал ещё один разговор.

— Топорная работа. Подрубили снизу пальто, а швы, там, где оно кончалось, остались. Второпях не успели отшлифовать, чтобы было незаметно. Решили чёрной краской погуще закрасить. Болваны!

— Ты уверен?

— Ну, подойди поближе. Видишь у него на брюках с боков и сзади швы, как после плохого хирурга. Вот там до операции кончалось пальто. Присмотрись-ка! А свёрнутые в трубку листы бумаги в левой руке? Их же сделали из кепки. Наверно, имели в виду апрельские тезисы.

Сзади донёсся ещё один разговор.

— Спорим, что это тот самый!

— Да ты что?! Не могли они народу такую туфту впарить!

— Ну, спорим на бутылку, если ты так уверен. Только на пузырь, а не на чекушку! И сразу — к техникуму, удостовериться.

В общем, город заволновался, запахло скандалом. Говорят, в сквере возле техникума никогда не было так многолюдно, как в тот день.

Мне понадобилось срочно уехать, и лишь через пару недель, вернувшись, я узнал некоторые подробности. Оказывается, действительно, на техникумовской статуе укоротили пальто до размеров пиджака, из смятой кепки в кулаке сделали свёрнутые в рулончик тезисы, заплатили за эту нехитрую работу мастеру, а остальные, немалые кстати, деньги, выделенные на новый монумент, поделили между собой. На заводе нашли один большой бюст вождя, посчитали его лишним на том рабочем месте (план и так ежемесячно худо-бедно выполнялся) и перенесли в сквер перед техникумом — пусть вдохновляет на учёбу.

На что они надеялись, как думали скрыть откровенный обман, — как говорится, покрыто завесой тайны. Скандал, конечно, не без помощи обкома партии удалось замять, а то бы на весь Союз прогремели.

Не так давно мне пришлось снова побывать в этом городке. Памятник возле техникума убрали и сделали асфальтированную баскетбольную площадку. Места оказалось мало, и щит там только один. Так что игра идёт в одни ворота, то бишь в одно кольцо.

Хотя у Ленина уже другое реноме, памятник на площади всё так же стоит на прежнем рабочем месте, поблёскивая глянцевиной чёрной краской. Голову и плечи вождя облюбовали ленивые надутые сизари, ну а последствия такой птичьей любви известны. За спиной же у него в здании бывшего горкома партии на постоянной основе заседает теперь городской суд, который судит всё так же, как и на старом месте.

А вот горизонтальные швы от сколотого пальто так и остались на штанах вождя. Со временем они стали ещё заметнее от набившейся туда серой пыли. Но, конечно, на это уже никто не обращает внимания. Да и Ганса-Христиана Андерсена сегодня мало кто читает...

СЕНЯ ИЗ ТЮМЕНЯ, ИЛИ ЗАПАСНОЙ

У нас сложилась тёплая компания. Днём мы учились, а по вечерам подрабатывали. Примерно раз в две-три недели Сеня приносил нам чистый медицинский спирт в разных количествах. Во времена всяких там ограничений в винно-водочном деле такая щедрость ценилась дорого. За глаза мы с некоторой иронией, как коренные москвичи провинциала, звали его — Сеня из Тюмени.

Мы не пьянствовали, мы отрывались после тяжёлой учебно-рабочей недели. Некоторые пили спирт чистым, сразу же запивая водой, другие разбавляли, соблюдая маленькую хитрость: не воду наливали в спирт, а спирт в воду. В первом случае напиток нагревался и от него воротило, хотя при воспоминании о желанных последствиях приёма огненной воды можно было и перетерпеть.

Итак, Сеня прибил к нашей компании с бутылкой спирта и каким-то зверьком в руках или на плече, да так в ней и остался. Однажды, кажется в сентябре, он принёс ужонка. Длинной, думаю, сантиметров двадцать. Ужонка хитрил: когда Сеня показывал его нам, он притворялся мертвым. Мы смеялись. Скорее от страха, чем от фокусов ужа, хотя желтые пятна за головой явно свидетельствовали, что змейка не ядовита. Оказалось, что летом Сеня собирал для какой-то лаборатории яйца ужей на реке Битюг в Воронежской области. В одном стогу нашёл большую кладку. А дальше делалось так. Сеня возил с собой фанерные посылочные ящики. Яйца перекладывал мокрой древесной стружкой и по почте отсылал в Москву двоюродному брату, а тот уже относил их по назначению. Видно, кладка оказалась ранняя, июльская. Брат посылку получил, а утром обнаружил, что уж вылупились и расползлись по квартире. То-то было забот: они умудрились заползти во все самые укромные и узкие щели, даже под плинтуса. В конце концов отловили, кажется, всех. Последнего нашёл Сеня, когда вернулся из поездки.

А то как-то раз он явился с цветастым, как хохломская роспись, попугаем Кешей. Тот садился Сене на плечо, брал у него с языка хлебные крошки и кричал «Христос воскрес!» А стоял как раз пасхальный период. «Воистину

воскресе, разумная птица!» — шептал Сеня и пожимал плечами. Потом извиняющимся тоном разъяснял: «Это не я научил».

Сеню полюбили сначала за спирт, потом за зверьков и птиц, особенно за попку Кешу, а позже и за всё остальное. Например, он прекрасно читал раннего Маяковского и был мастером рассказывать байки из своей жизни, поскольку успел поработать в самых разных местах.

Во время нашего знакомства Сеня подвизался, как он сам объяснил, в научно-исследовательской лаборатории при мавзолее, которая занималась сохранением мумифицированного тела вождя. Мы, конечно, удивились: как это тюменский парень попал в Москву, да ещё в такое ответственное заведение. И он рассказал.

— Вы, наверное, знаете, что тело Ленина уже в июле 1941 года отвезли в Тюмень.

Мы переглянулись. Мы не знали.

— Ну вот. Оно лежало в нашей Сельскохозяйственной академии, в главном корпусе, на втором этаже в аудитории номер пятнадцать.

— Постой-постой, откуда это ты знаешь такие точности, если ты тогда ещё не родился даже?

— Отец рассказывал. Когда Ленина привезли к нам в Тюмень, отца взяли туда на работу. Он почти четыре года этим делом занимался. А в конце Великой Отечественной ко дню рождения вождя его тело отвезли назад в мавзолей. Отца, как классного специалиста, взяли с собой, но меня угораздило родиться в Тюмени за месяц до отъезда. Потерпи я в мамкиной утробе ещё месяц-полтора, — был бы москвичом. Так что тюменский я только по паспорту. Ну, теперь понимаете, откуда я всё это знаю, — говорил Сеня спокойным, почти равнодушным тоном.

— Понимаем-понимаем. Понимаем и то, как ты оказался в лаборатории при мавзолее. Папочка пристроил?

— В общем-то, да. Отец был широко известный в узких кругах учёный. А у меня десятилетка за плечами и всё. Поэтому я простой лаборант, несмотря на знаменитого отца.

Наша компания всегда с нетерпением ждала Сеню: придёт — не придёт. Хотя здоровье своё в то время мы ещё не жалели и пили всякую гадость вплоть до «Солнцедара», но предпочитали напитки чистые и дорогие, даже дорожущие по тем временам. А тут спирт — чистейший медицинский. Конечно, сушит во рту, но зато чис-

тый! Мы всегда с нетерпением ждали и рассказов Сени, которому лишь случайно не удалось стать урождённым москвичом. Впрочем, было незаметно, чтобы он из-за этого переживал.

Однажды зашёл разговор о спирте. Всё же надо уметь доставать его в таких количествах. Оказалось, что летом Сеня всеми правдами и неправдами присоединял к своему отпуску ещё месяц-полтора за свой счёт и уезжал собирать фауну по лесам, полям и нивам бескрайней Руси. У него были договоры с разными научно-исследовательскими институтами, ему заказывали всякую редкую и нередкую живность, а он её отлавливал и заспиртовывал. Помнится, он сказал, что за лето зарабатывает больше, чем за весь оставшийся год. Спирт, естественно, ему выдавали вперёд.

Как-то в разговоре о Сенином увлечении (все сразу поверили, что он собирает живность не ради денег, а из спортивного интереса) был опять упомянут обитатель мавзолея. Не помню, в каком контексте, но Сеня вдруг употребил выражение: «запасной Ленин». Мы в недоумении посмотрели на него. Он прикусил язык или только сделал вид, чтобы нас заинтриговать, а мы, почувствовав какую-то тайну в его обмолвке, начали наседавать на него. И вот, взяв с нас слово о молчании, он приглушённым голосом поведал, что в тайных подвалах то ли Исторического музея, то ли музея Ленина, то ли самого мавзолея (сейчас уже не помню) покоятся... запасные Ленины.

Помню, мы сидели у меня в большой застеклённой лоджии, за огромными окнами сгущались сумерки, на воздушных волнах покачивалась тишина. И тяжёлое гробовое молчание зависло между нами. Самый нетерпеливый тихо спросил:

– В каком смысле «запасной»?

– Понимаете, если в мавзолее произойдёт взрыв и уничтожит тело Ленина, то можно будет тут же положить на его место запасного. Похожего. Двойника, уже забальзамированного.

Мы опешили. Большинство не хотело верить. Кто-то сказал: «Это кощунство». Другой проронил: «Не может быть», но сделал это очень неуверенно. Третий вспылил: «Врёшь ты всё. Это открытая антисоветчина». И сделал вид, что хочет подняться и уйти. Но не ушёл. И даже не поднялся.

Казалось, если б не спирт, который принёс Сеня, его бы сейчас прибили.

Сеня долго молчал. В тот раз он пришёл, держа в ладонях крупную ящерку с черепашьей головой. Она была совсем ручная, разрешала себя гладить, но настороженно зыркала глазками в разные стороны.

– Зря я вам это рассказал. У вас ещё нет ушей, чтоб слышать. Забудем!

Кто-то горячо заговорил:

– Ребята, вы представьте, вдруг взрыв. И нет Ленина! Что делать? Нет Ленина – нет мавзолея, а это ведь сердце нашей страны. Уж лучше пусть запасного туда положат.

– Да какой взрыв?! Вы что, с ума все посходили?! – вскричал обвинивший Сеню в антисоветчине. – Откуда там взрыв-то возьмётся? Кто на это осмелится? Это же Ленин!

– А не Сталин, – обронил кто-то, но на это замечание не обратили внимания.

Сеня не смотрел на нас, он только слушал. Кто-то разлил остатки спирта по гранёным стаканчикам. Все, кроме Сени, выпили.

– Ну, ты чего не пьёшь и молчишь?

– Не ожидал я.

– Чего не ожидал?

– Что вы такие промытые.

– В каком смысле?

– Ну, с промытыми мозгами.

– А ты совсем без мозгов! Взрыв какой-то придумал. В самом мавзолее! Откуда там взрывы-то?

– Да были они уже... – лениво проронил Сеня.

Мы ещё раз опешили, и опять тягостная тишина заполнила лоджию.

На этот раз мы быстрее пришли в себя и по-другому среагировали.

– Докажи, – заинтересованно воскликнул кто-то.

– Могу, но я под подпиской...

– О невыезде? – ехидно спросил кто-то.

– О неразглашении, – всё так же лениво отмахнулся Сеня. – У нас в лаборатории все в курсе. Было несколько попыток разрушить саркофаг с Лениным и даже взорвать его.

– Сеня, – сказал я, – ты сделаешь большое дело, если расскажешь нам всё. Ты видишь, что тебе уже почти верят. Просто это так неожиданно. Даже для меня.

– Ну, ладно. Через пару недель. Мне надо

поспрашивать старожилов на работе. Посмотрим, кто что вспомнит.

Мы с нетерпением ждали следующих посиделок, и даже в складчину купили хороший коньяк на тот случай, если Сеня не принесёт спирт, хотя такое случалось редко.

Мы собрались опять у меня в лоджии. Сеня на удивление всем вместо спирта достал тоже коньяк, и точно такой же — армянский КВ. Мы расселись, Сеня достал из кармана бумажку.

— Покажи, — протянул кто-то руку.

— Ты ничего не поймёшь. Это я для себя записал каракулями, чтоб не забыть. — И после первой рюмки, поглядывая в мятый листок, Сеня поведал то, что узнал у коллег.

— Ещё в 1934 году какой-то Митрофан Никитин пытался выстрелить в тело Ленина, но ему помешали, и он застрелился сам.

— В тридцать четвёр-о-о-ортм, — присвистнул кто-то. — Значит, уже через десять лет...

— В пятьдесят седьмом году некто Романов бросил в саркофаг бутылку с чернилами, в пятьдесят девятом — метнули молоток и стекло разбилось. Тогда там и Сталин лежал. Летом шестидесятого года какой-то Минибаев из Фрунзе вспрыгнул на барьер и ногой разбил стекло саркофага. Было много осколков, которые повредили Ленина. Может быть, помните, что тогда в самый наплыв туристов мавзоль вдруг закрыли с середины июля по середину августа. Это из-за него. Через год какая-то Смирнова сначала плюнула на саркофаг, а потом бросила камень, завернутый в носовой платок. Опять стекло саркофага раскололось. Ещё через год пенсионер из Павлово-Посада Лютиков тоже бросил камень в Ленина. Через пять лет, в шестьдесят седьмом году, житель Каунаса Крысанов привёл в действие пояс со взрывчаткой. Он сам и еще несколько человек погибли. В нынешнем году опять взорвали самодельное устройство. Погибли сам взрыватель и одна супружеская пара, несколько человек было ранено, и среди них дети. Но на этот раз саркофаг не пострадал, потому что в прошлом году его накрыли наконец-то пуленепробиваемым стеклом.

Мы сидели и слушали как замороженные. Особенно поражали точные даты и имена. Это было открытие. Мы привыкли к тому, что весь народ свято чтит вождя. Ведь какие огромные

многочасовые очереди выстаивают люди, лишь бы пройти мимо гроба! Их же никто не заставляет. А тут такое... И главное, не верить невозможно. Конечно, слухи доходили, но это была только неясная молва и речь шла о каком-нибудь одном отщепенце. И вдруг! Это же целая серия покушений.

Произошёл взрыв. Взрыв в наших головах. Мы сидели молча. Всё услышанное надо было переварить.

— Вот вам и Ленин, — задумчиво и хрипло сказал кто-то.

— Да там Лениным и не пахнет почти, — всё так же спокойно продолжил Сеня. — Что там осталось? Один наш академик говорит, что после всех бальзамирований и перебальзамирований, после ударов молотком, ногами и тем более после взрывов там осталось процентов десять от вождя. Что-то выпотрошено, другое заменено. Вот такие дела.

Это был третий удар. В каком-то смысле запрещённый, ниже пояса.

Рассказ Сени сильно подействовал на нас. После этого медленно-медленно мы начали привыкать к другому взгляду на лениниану, на теперешнюю жизнь, а позже и на всю нашу историю.

Сеня взял с нас слово никому не пересказывать его правдивые истории, но это не помогло. Кто-то настучал, и тюменского москвича уволили (между прочим, легко отделался). А ведь нас и было-то четыре человека. Сеня — пятый. Он потом приходил ко мне, но не жаловаться на судьбу или на стукачей, а просто посидеть.

Позже наш лаборант — не знаю уж, каким образом — уехал в Австралию. Там он акклиматизировался: так же ловит всякую австралийскую редкую живность и продаёт её научно-исследовательским лабораториям зелёного континента. Приобрёл и профессию змеелова. Недавно прислал фото: Сеня из Тюменя в Австралии. Наш приятель красуется с сачком на плече, а фоном служит очень русская на вид речка. Наряд его прост: бежевые широкие шорты, бежевая панама и ярко-красная футболка, на которой огромными золотыми буквами написано СССР. Ниже он сам мелкими белыми буквами приписал: которого уже нет. Кстати, Сеню звали Сашей, Александром, но вот прилипла к нему кличка Сеня, будто он Семён.

Помнится, он заканчивает свой последний рассказ о подвально-подпольных Лениных, а у меня в голове прокручивается картинка: прохладный тайный подвал музея, полумрак и в стройной шеренге стыннут постаменты со стеклянными гробами. Внутри саркофагов слабая желтоватая подсветка, и в них – запасные мумифицированные Ленины. Много Ленинов. И этот ряд уходит в зябкую подвальную даль. Впрочем, много саркофагов не надо. Даже если б там лежала всего пара-тройка забальзамированных тел, похожих на вождя, и то было бы жутко.

Понятно, когда у живого политика есть двойники. Но у мёртвого...

СИДЕНЬ, ИЛИ ВЫХОД ИЗ НИРВАНЫ

Памятник поставили в сквере недалеко от школы. Кому-то пришла идея, наверное для разнообразия, сделать Ленина сидячим. Не представляю, как обком в те всепартийные времена мог одобрить такой проект, но факт остается фактом. Ленин, во-первых, был в зимней одежде: тяжёлое пальто, шапка-ушанка, не подшитые валенки (вероятно, имелось в виду Шушенское), а во-вторых, он сидел очень низко, почти вровень с землёй. Зимой постамент заносило снегом и валенки скрывались в сугробе. Но за статуей следили и снежные наносы с утра пораньше расчищали. Весной вокруг памятника пробивалась нежная зелёная травка и мраморные валенки вождя казались неуместными. Впрочем, так же, как зимнее пальто и ушанка. Однако это не мешало учителям и пионервожатым: здесь проходили пионерские линейки, первоклашек делали октябрятами, вручали им галстуки или значки.

А вождь сидел. И в жару, и в морозы, под снегопадами и дождями, днём и ночью, в праздники и будни. Ни тебе голову повернуть, ни в голубое небо взглянуть, ни поёжиться от холода. Сиди, смотри в одну точку – и баста! Вот такая награда – вечно сидеть. Впрочем, не в тюрьме же...

Прошло несколько лет. И вот однажды поутру на коленях у вождя обнаружили рулончик розовой туалетной бумаги. А ведь в то время это был такой дефицит! За ней часами в очереди стояли, как в своё время за хлебом. И

надо же! Кто-то не пожалел: воспользовался новой «Правдой» или старыми «Известиями», а нежную бумагу пожертвовал тому, кому она уже больше не нужна.

Разразился скандал, но отпечатков пальцев на рулоне не обнаружили. Кто-то шептался с друзьями, кто-то улыбался хитровато-мёртвой ленинской улыбкой, большинство же, естественно, возмущалось. Как так?! Осквернить святое для всех октябрят, пионеров и всего советского народа место и надругаться над нашим Лениным!

Дальше – больше. Нет-нет да и найдут на коленях у мраморного вождя то кусок батона, то огрызок яблока, то остатки колбасы, то недопитую бутылку жигулевского пива, то опять нежную туалетную бумагу, но уже голубую. Едешь, бывало, рано утром на работу, улица упирается в скверик, делаешь поворот направо и даже с дороги видишь из машины, что на коленях у застывшего Ленина что-то лежит.

В сознании народа происходили изменения.

Милицейский патруль на «газике» регулярно дефилировал вдоль скверика даже ночью. Но неуловимый мститель на то и неуловим. Серьёзное расследование начали после того, как какой-то остроумец на мраморной тумбе, поддерживавшей седалище фигуры, синей масляной краской нарисовал унитаза. Да так ловко: получалось, что вождь, не снимая пальто, присел по нужде. Это уж ни в какие ворота не лезло.

Краску легко содрали, остатки смыли растворителем, у памятника поставили ленивого милицейского сержанта, а потом начали опрашивать учеников школы и учителей. Это ничего не дало. Никто ничего никогда не видел. Посодействовать КГБ вовсю, даже наперегонки, стремились помочь пионеры, комсомольцы, партийные и некоторые сознательные беспартийцы, но безуспешно. Милиционера скоро убрали, а его пост заняли сменявшие друг друга пары полузаметных человечков в штатском со свёрнутыми или расправленными «Комсомольскими правдами» в руках. Но все поиски и выслеживания остались безрезультатны. Мало того: во время массовых гуляний, когда в сквере и вокруг него собиралось много народа, на коленях у Ленина опять оказывалась какая-нибудь подачка. Долго ли, проходя мимо, незаметно подбросить что-ни-

будь на колени вождю. Конечно, предварительно протерев это «что-то» носовым платком. На всякий случай.

Стало понятно, что искать надо было бы многих. Начиная эту операцию, скорее всего, один человек, но — лиха беда начало, — и его активно поддержала несознательная часть населения. Ситуация выходила из-под контроля. Народ, может быть, впервые в жизни, голосовал «против», народ просыпался после длительного пребывания в нирване ленинианы, народ выражал своё мнение, он не хотел ни докладывать, ни рапортовать. И народ одержал победу.

Однажды ночью памятник увезли в неизвестном направлении, а днём в сквере поставили белый бюст Ленина на высоком постаменте, сдвинув его метров на тридцать поближе к школе. Теперь с дороги его не было видно — загораживали деревья, — но места для пионеров и их вожатых там тоже хватало.

А где теперь сидит тот Ленин, никому неизвестно.

ТРЕТЬЯ НЕВЕСТА

Мы гуляем по Красной площади. Спускаемся к Историческому музею. Там продают ужасные матрёшки с лицами Горбачёва, другую мелочь. И вдруг видим Ленина. Он такой же невысокий, с рыжеватыми бородкой и усами, одет в тройку, на груди красный бант, на голове знаменитая кепка. Тройка с красным бантом и кепкой, представляете сочетание?! Впрочем, головной убор давно стал для вождя отличительным знаком или, как сейчас говорят, брендом. Неподальку, выжидательно поглядывая в сторону прохожих, слоняется фотограф в жёлтой майке с портретом Маяковского на груди. Двойник вождя коротконого расхаживает и зазывно приглашает встать напротив человека с фотоаппаратом: мол, не желаете ли сфокусироваться рядышком или даже в обнимку? Народ настороженно присматривается к сбежавшему из мавзолея вождю. Пока ещё это в диковинку. Кто-то говорит: «Как же его не заарестуют? Надо вызвать милицию». Другие урезонивают ленинца (или антиленинца, даже не знаю, как тут сказать).

«Какая милиция! Не те времена! Хоть под Ленина рядись, хоть под Сталина», — авторитетно перекрывает нестройные нерешительные голоса хорошо поставленный баритон.

Не помню, сколько времени мы оставались на Манежной площади, издали наблюдая за сценой перед Историческим музеем. За это время к Ленину подошёл сфотографироваться подвыпивший рыжеватый мужичок, сам отдалённо походивший на прототип, и молодая парочка в джинсах и ярких футболках с рекламой то ли пива, то ли кока-колы. Две фотки. Много ли на них заработаешь! Мы даже не заинтересовались, сколько берёт этот двойник мужа Крупской. Ленин и его фотограф — а может быть, надо сказать фотограф и его Ленин — откровенно скучали. Пекло изо всех сил полуденное солнце, и в тройке было жарковато. Ленин расстегнул пиджак и жилетку. То и дело он доставал платок и вытирал лысину, обмахиваясь кепчонкой. И вот парадокс: это происходило перед Историческим музеем и невдалеке от мавзолея. Как символично!

Прошло несколько лет. На телевидении появилась натушно-весёлая и скучная, а попросту говоря, беспомощная передача «Давай пожениваемся». Руководит ею одна актриса, которая, следуя моде, переквалифицировалась в ведущую. Шоу было организовано так, чтобы по мере возможности стереть из памяти зрителя представления о традиционных русских обычаях знакомства, сватовства, обручения, женитьбы. В нём бесцеремонно и беспардонно выставляли напоказ не только личную, но и интимную жизнь потенциальных женихов и невест. Всё, что ранее считалось уделом и тайной двоих, теперь препарировалось астрологом и самозванными экспертами на глазах у миллионной телеаудитории. Передача была явно ориентирована на то, чтобы внести свой маленький незаметный вклад в разрушение семьи.

И вот в качестве жениха в этом шоу появился... Ленин. Тот самый кепконосец, промышленный в своё время у Исторического музея. Видно, понял, что приближаются преклонные лета, на двойничестве теперь много не заработаешь, и решил на глазах у всей страны обеспечить себе спокойную старость с верной подругой. А организаторам шоу только такого жениха и надо. Какая находка! Кажется, он назвал-

ся Эдиком, а может быть, Толиком. Эдик-Ленин восседал за столом рядом с ведущей и спецами по добрачным, брачным и постбрачным отношениям, невнятно рассказывая о себе: с детства он мечтал стать то ли Вождём, то ли Поэтом и прославиться на всю страну. Потом по очереди к нему выходили «невесты». Одна почти не запомнилась, но все отмечали, что у неё есть квартира в Москве. Вторая была совсем молодой заторможенной девицей, а Ленину-то — за пятьдесят. Третья подходила по возрасту, но у неё не было квартиры в столице. Вот такие у них проблемы при женитьбе! Всё остальное не важно.

По правилам шоу «невесты» должны были сделать подарок Ленину, то бишь жениху. Первая подарила ему избранные произведения Джека Лондона — любимого писателя вождя. Вторая станцевала с ним медленный танец под выбранную ею лирическую песню про вечную любовь. Третья невеста вытащила Ленина из-за стола на сцену. Там организаторами шоу уже были приготовлены пустые картонные коробки из-под печенья и конфет. Невеста назвалась любовницей вождя Инессой Арманд и предложила построить баррикады. На глазах у изумлённой публики они соорудили из кубических коробок некое подобие заграждения, Инесса подняла с пола приготов-

ленный заранее огромный красный флаг с жёлтыми серпом и молотом и, размахивая им, фальшиво запела: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем!» Оказалось, что Ленину тоже медведь на ухо наступил. Он пытался подпевать, но не в тон. Видно, не хватило времени порепетировать.

Как вы думаете, какую из трёх невест выбрал Ленин-жених? Конечно же, Инессу Арманд.

Фрейд, кажется, называл такое психологическое (или психиатрическое?) явление компенсацией.

Но, возможно, вся эта сцена была поставлена режиссёром.

А я, глядя на поющих, вспоминал почему-то восклицание моего покойного друга Павла Тика: «Бедный Ленин! Это вам не бедная Лиза!»

□

Василий КОСТЕРИН (род. в 1945 г.) —

литературовед, иконовед, прозаик.

В 2012 году вышла его повесть «Не опали меня, Купина. 1812».

Публиковал прозу и стихи в различных журналах в Будапеште, Владимире,

Донецке, Загребе, Москве, Новгороде, Петербурге.

В 2012 году вошел в краткий список

номинантов на Патриаршую литературную премию

им. св. равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.